

Ю.Н. ШУСТИКОВА

*(Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия)*

УДК 821.161.1-32(Чехов А. П.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»

Аннотация. В качестве основных задач, что ставили мы перед собой, были следующие: определить основные характеристики понятий «национальный менталитет», «национальный характер»; изучить опыт ученых, исследовавших проблему русского характера; проследить формирование чеховских представлений о русском менталитете; проанализировать особенности постановки проблемы русского национального характера в чеховской повести «Степь». Тема русской национальной ментальности или русского национального характера сложна и многоаспектна, изучается разными науками – историей, философской антропологией, социальной философией, политологией, культурологией, закономерно привлекает к себе внимание и литературоведов, филологов. В работе акцентируется внимание на том, какие коренные свойства национального характера выделяет А.П. Чехов, о каких чертах и свойствах русской психологии и типичных чертах нации размышляет в «Степи».

Ключевые слова: русский национальный характер, повести, русская литература, национальный менталитет.

Формирование национальной ментальности происходит в зависимости от исторических, социальных, культурных особенностей формирования и развития той или иной нации.

Б.Ф. Егоров справедливо отмечает, что в исследовании феномена национального менталитета следует «помнить не о стопроцентном наполнении народной жизни какими-то признаками, а о преобладании их» [Егоров 1996: 52], то есть понятие национального менталитета не только устойчиво в общих чертах, но не лишено текучести.

Православная религия способствовала формированию и закреплению в сознании и образе жизни русских людей прекрасных христианских ценностей: любви к ближнему, милосердия, стремления

к нравственному совершенствованию, преодолению эгоизма, соборности, порыва к высоким идеалам. С другой стороны, православие настаивало на принципе авторитарности (право только одной идеи, одной церкви) и принципе бескомпромиссности. Коренное отличие православной картины мира – отсутствие представлений о чистилище: либо ад, либо рай. Утверждался приоритет вечной жизни над земной, пренебрежение земной жизнью. Биполярная модель мира, резкое разделение на своих и чужих приводили к тому, что усиливался традиционализм, обрядовый, нормативный образ жизни: новое ощущалось как чужое, воспринималось в штыки.

Существование крестьянской общины или *мира* способствовало развитию особых, семейных, отношений между людьми, основанными на доброте, любви к человеку, солидарности. Человек знал, что его личная жизнь всегда находится под контролем общины, поэтому стыдился пьянствовать, развратничать, боялся всеобщего осуждения и отчуждения от коллектива. Однако это способствовало не только нравственному совершенствованию человека, но и духовной несамостоятельности, а также заглушало индивидуальное стремление к самовыражению: интересы коллектива ставились выше личных, яркая индивидуальность не приветствовалась, нельзя было «громко» проявлять эмоции: например, неприлично было открыто демонстрировать чувства, громко смеяться. Идеалом были скромность, стеснительность. Размышление об идеальности, красоте в одном из рассказов Чехова посвящена недавняя работа магнитогорских исследователей [Абрамзон 206].

Чехов рано задумался об особенностях русского национального характера. В конце 80-х годов, когда рождался замысел повести «Степь», его остро волновала проблема русской ментальности, что нашло отражение в первой поставленной на сцене чеховской пьесе «Иванов». Неслучайно у героя чеховской драмы – распространенная русская фамилия: Иванов. Распространенность фамилии подчеркивала национальную типичность персонажа. Чехова интересовали истоки русского характера, причины, обусловившие его отличительные черты, его отличительные особенности.

Известны рассуждения писателя о взаимодействии географических, климатических, исторических, социальных условий и психолого-физиологических особенностей, образующих самобытный менталитет русского человека (знаменитое письмо Д.В. Григоровичу от 5 февраля 1888 года по поводу повести «Степь»): «С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость,

страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мыслей; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается... В Западной Европе люди погибают от того, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [Чехов 1976 : 190].

Известный литературовед и культуролог П.М. Бицилли отмечал одно место в повести «Степь» как возможную реминисценцию соответствующего пассажа из третьей главы первого тома книги Гончарова «Фрегат “Паллада”». «Он (Чехов) представляет ее (степь) себе тоскующей ночью от сознания, что «богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые» [Бицилли 2000 : 23]. «И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!» [Чехов 1977 : 46]. У Гончарова есть похожее лирическое отступление: «Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи: ни серенад, ни вздохов, ни шепота любви, ни пеня соловьев!» [Гончаров 1986 : 96].

В исследовании русской ментальности у Чехова был еще один предшественник, не упомянуть которого невозможно. Повесть «Степь» начинается с гоголевской реминисценции: «Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники» [Чехов 1977 : 13]. Так Чехов пародийно обыгрывает описание чичиковской брички, превратившейся по воле Гоголя в финале поэмы «Мертвые души» в знаменитую птицу-тройку, символ Руси.

Переключка с поэмой Гоголя намечается далеко не случайно: Чехова привлекло произведение, главной темой которого стали размышления о судьбе и будущем России, о парадоксах русского национального характера, о русском языке как основе нации, о новых героях буржуазной эпохи, об абсурде русской жизни, любви к Родине.

Повесть «Степь» так же, как гоголевская поэма, – лиро-эпическое произведение, отражающее заветные мысли самого Чехова.

Все вышесказанное только подтверждает наше предположение о том, что в основе замысла повести «Степь» лежит стремление Чехова заострить внимание читателя на национальной проблематике. Повесть посвящена теме жизненного пути человека (путешествие во взрослый мир мальчика Егорушки), а шире – теме исторического пути России. Россия от Древней Руси с былинными богатырями до буржуазной России XIX века, покотившей по железной дороге, предстает в чеховской повести во всех вариантах своей ментальной сущности.

Важнейшей особенностью повествования «Степи» является склонность к большим обобщениям. Как отмечали исследователи [Зайцева 2009 : 84], закономерно появляются в тексте неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, отражающее восприятие не конкретного, но *любого* субъекта:

«Едешь и вдруг видишь, впереди у самой дороги стоит силуэт, похожий на монаха; он не шевелится, ждет и что-то держит в руках... Не разбойник ли это? Фигура приближается, растет, вот она поравнялась с брочкой, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень» [Чехов 1977 : 45].

«А взглянешь на бледно-зеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздух недвижим, почему природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова. Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою» [Чехов 1977 : 46].

Впечатления разных героев часто сливаются в единое целое, в своеобразный лирико-философский монолог, объединяющий чувства и мысли *всех* персонажей: «Все отдыхали, о чем-то думали, мельком поглядывали на крест, по которому прыгали красные пятна. В одинокой могиле есть что-то грустное, мечтательное и в высокой степени поэтическое... Слышно, как она молчит, и в этом молчании чувствуется присутствие души неизвестного человека, лежащего под крестом. Хорошо ли этой душе в степи?» [Чехов 1977 : 67].

Благодаря особому принципу повествования Чехов создает обобщенный образ русского человека, русской нации.

В повести неоднократно употребляется национально идентифицирующее определение «русский», существительные «Россия» и «Русь»:

«Лицо его с небольшой седой бородкой, простое, русское, загорелое лицо, было красно, мокро от росы и покрыто синими жилочками» [Чехов 1977 : 80];

«Варламов хоть и русский, но в душе он жид пархатый» [Чехов 1977 : 40];

«Теперь Егорушка всё принимал за чистую монету и верил каждому слову, впоследствии же ему казалось странным, что человек, изъездивший на своем веку всю Россию, видевший и знавший многое, <...>обесценивал свою богатую жизнь до того, что всякий раз, сидя у костра, или молчал, или же говорил о том, чего не было» [Чехов 1977 : 72];

«Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [Чехов 1977 : 64];

«Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва! – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк» [Чехов 1977 : 78];

«Можно, в самом деле, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони» [Чехов 1977 : 48];

«Жизнь страшна и чудесна, а потому какой страшный рассказ ни расскажи на Руси, как ни украшай его разбойничьими гнездами, длинными ножиками и чудесами, он всегда отзовется в душе слушателя былью, и разве только человек, сильно искусившийся на грамоте, недоверчиво покосится, да и то смолчит» [Чехов 1977 : 72-73].

Действие повести происходит, таким образом, не просто в степи, но именно на Руси. В событиях, таким образом, участвуют не просто «степняки», но русские люди.

В «Степи» перед вами предстает целая галерея различных ярких, запоминающихся характеров. «Множество индивидуальных судеб и лиц; их свойства, особенности и контрастирующие противоположности уравниваются в сверхличном характере нации, одновременно великом и малом» [Громов 1989 : 241-242]. Маленький мальчик Егорушка, направляющийся в город учиться, простодушный отец Христофор Сирийский, предприимчивый купец Иван Иванович Кузьмичов, хозяин степи загадочный богач Варламов, прекрасная графиня Драницкая, похожая на птицу, русоволосый

бунтарь-озорник Дымов, счастливый молодожен Константин, певец без голоса Емельян, выдумщик и любитель страшных рассказов Пантелей и многие другие персонажи представляют собой варианты (социальные, психологические, бытовые) русского уклада жизни.

В.Б. Катаев справедливо подчеркивает: «...особенно значительным предвестием будущего величия чеховского мира оказываются в «Степи» соединения в одном, казалось бы, несоединимого. Родина – сурова и прекрасна, жизнь – страшна и чудесна. Она не то сурова, не то прекрасна, не то страшна, не то чудесна, а в каждом проявлении содержатся оба противоположных начала» [Берковский 1985 : 181].

Различные варианты отражают инвариативность [См.: Скороспелкина : 84] русского национального менталитета: русский человек живет прошлым, поэтически идеализируя его, нередко пренебрегает настоящим, мечтая о новом «золотом веке», о новой сказочной жизни. Огромный простор как будто выбивает почву из под ног русского человека, дезориентируя его во времени и пространстве, придавая неуверенности в собственных силах и одновременно исключая возможность остановки в пути.

Вместе с тем в русском человеке ярко проявляется отзывчивость, открытость миру, желание всеобщего счастья. Об этом свидетельствует сцена у костра. «Все теперь отлично понимали, что это был влюбленный и счастливый человек, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движение выражали томительное счастье. Он не находил себе места и не знал, какую принять позу и что делать, чтобы не изнемогать от изобилия приятных мыслей. Излив перед чужими людьми свою душу, он, наконец, уселся покойно и, глядя на огонь, задумался.

При виде счастливого человека всем стало скучно и захотелось тоже счастья. Все задумались» [Чехов 1977 : 77].

Цитата, приведенная нами, ясно показывает, что, по Чехову, одной из особенностей русского менталитета является также вечная неудовлетворенность тем, что есть, и вечная тяга к чему-то запредельному, неиспытанному, чего русский человек опасается и жаждет одновременно.

Начиная с повести «Степь» проблема русского национального менталитета привлекала внимание писателя. Безоглядная вера в идеалы, нередко оказывающиеся иллюзиями, инфантилизм и детскость, любовь к крайностям, максимализм, отрицание среднего пути развития, увлеченность сказочным будущим, духовная

бесформенность, – распространенные черты русского национального характера, к которым с тревогой присматривался Чехов и предлагал поразмышлять над ними своему читателю.

Коренные сдвиги, которые произошли в общественных отношениях, в мировоззрении и психологии самых различных слоев русского общества, требовали от литературы новых форм отражения жизни, новой постановки старых вопросов. А.П. Чехов признан во всем мире как писатель, гениально завершающий этап русского реализма и стоящий в преддверии новых значительных художественных открытий: в художественном методе, в проблематике литературы. По-новому в творчестве А.П. Чехова был поставлен и вопрос об особенностях русского менталитета, о своеобразии русского национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон Т.Е. Романтическая концепция красоты в рассказе Чехова «Красавицы» [Текст] / Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В. // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 2 (52). – С. 343-355.

Берковский, Н. Я. Чехов – повествователь и драматург [Текст] / Н.Я. Берковский // О русской литературе: Сб. статей / Н.Я. Берковский. – Л.: «Художественная литература», 1985. – С. 215-339.

Бицилли, П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии [Текст] / П.М. Бицилли; сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. – М.: Русский путь, 2000. – 608 с.

Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествий в двух томах [Текст] / И.А. Гончаров. – Л.: Наука, 1986. – 879 с.

Громов, М.П. Книга о Чехове [Текст] / М.П. Громов. – М.: Современник, 1989. – 384 с.

Зайцева, Т.Б. Автор-повествователь, персонаж и читатель как субъекты художественной коммуникации в зрелой прозе Чехова [Текст] / Т.Б. Зайцева // Литературный персонаж как форма воплощения авторских интенций. Материалы Международной научной интернет-конференции, г. Астрахань, 20-25 апреля 2009 г. Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С.83-86.

Из истории русской культуры, том V (XIX век) [Текст] / Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев, сост. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 848 с.

Скороспелкина, Г.С. Русский национальный характер в рассказе «Июныч» А.П. Чехова [Текст] / Г.С. Скороспелкина // А.П. Чехов и

национальная культура: Традиции и новаторство. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 83-88.

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. [Текст] / А.П. Чехов; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. – Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889 / Тексты подгот. и примеч. сост. И.Е. Гитович, Н.И. Гитович; Редактор третьего тома З.С. Паперный. – М.: Наука, 1976. – 575 с.

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. [Текст] / А.П. Чехов; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. – Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888-1891. – М.: Наука, 1977. – 735 с.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. С.В. Рудаковой.